

Я сидела на пассажирском сиденье, опершись рукой о дверцу, и безучастно наблюдала за тем, как мимо проплывают городские пейзажи. Навалилась какая-то странная сонливость.

Моя закадычная подруга Ван Мэй, сидевшая за рулем, встряхнула копной длинных вьющихся волос и бросила на меня косой взгляд:

— Эй, Сяо Нин, что с тобой такое? Ты так сильно изменилась с тех пор, как вернулась! Раньше ты была душой компании, настоящей звездой нашей школы, а теперь слова из тебя не вытянешь. Пытаешься примерить на себя образ молчаливого мыслителя?

Ее звонкий голос вырвал меня из задумчивости. Я лениво отозвалась:

— Просто устала. Последние дни только и делала, что разбирала вещи, едва успела привести дом в божеский вид, а тут ты со своим шопингом. Ты что, думаешь, я железная?

— Ой, да ладно тебе! Не переживай. В этот раз на встрече выпускников я тебя побалую, все расходы беру на себя!

При упоминании встречи выпускников сердце болезненно сжалось. Ван Мэй не знала, что я до ужаса боюсь этого мероприятия, и причина этого страха крылась в одном-единственном человеке. Я знала, что хочу его увидеть, но этот страх оказался сильнее желания. Именно из-за него я, не привыкшая к северной пище, уехала учиться на север. Из-за него на третьем курсе приняла ухаживания нашего земляка Сы Мина, начав наши четырехлетние отношения. Из-за него после выпуска я предпочла остаться в том северном городе. И именно из-за него в последние месяцы у нас с Сы Мином, до этого жившими душа в душу, вспыхивали бесконечные ссоры по поводу возвращения в Ичэн, пока под объединенным давлением родителей мы не были вынуждены вернуться...

Несмотря на внутреннюю боль, я нашла в себе силы отшутиться:

— Эх, куда уж мне, простому садовнику, тягаться с тобой, наследницей состояния. Но, Ван Мэй, у меня правда дела в третьей школе, боюсь, не смогу прийти.

— В выходные? Твоя захудалая третья школа и в выходные не дает покоя? Неважно, есть у тебя дела или нет, откладывай всё! Я не понимаю, мы ведь так здорово общались, а как только ты поступила в университет, словно испарилась. На встречи выпускников ни разу не пришла, на меня и Цзя Лань внимания ноль. Что это за дела такие? Хочу я наконец посмотреть на этого твоего Сы Мина, который превратил тебя в такую помешанную на парне особу, забывшую про всех друзей!

Я знала, что виновата, поэтому лишь неловко улыбнулась. С тех пор как я начала учиться, я старалась держаться подальше от одноклассников из седьмого класса, избегала встреч, чем немало их злила. Причиной я называла парня, из-за чего Сы Мин стал легендарной личностью в классе, а мне было стыдно и перед друзьями, и перед ним. Но истинную причину я знала лучше всех.

Видя, что Ван Мэй действительно рассердилась, я поспешила ее успокоить:

— Ладно, ладно, я поняла, что была неправа. Исправлюсь, обещаю!

— Хм, запомню твои слова! Первый шаг на пути к исправлению — прийти в субботу на встречу. Если не явишься, я ворвусь к вам с Сы Мином и переверну всё вверх дном! А потом мы с тобой больше не подруги!

Я молча горько усмехнулась — кажется, избежать этого не удастся. Чему быть, того не миновать.

Я посмотрела в окно на город, из которого семь лет бежала и по которому все это время тосковала. Горечь разливалась по душе.

В субботу, в три часа дня, я открыла шкаф и принялась перебирать одежду. Мой взгляд остановился на белом спортивном костюме — футболка и шорты, ничего особенного. Но девять лет назад именно в нем я станцевала наш номер Солнечные девчонки и стала знаменитостью в школе Ичэн.

До того случая я была в седьмом классе лишь обычной ученицей, в то время как Ван Мэй и Се Цзя Лань уже блистали. Ван Мэй была красавицей с утонченными чертами лица и богатыми родителями. Цзя Лань была не столь яркой, но обладала такой самобытностью и отстраненностью, что к ней хотелось приблизиться, но было страшно. А я? Симпатичная, жизнерадостная, отлично играла в бадминтон, но не более того. Но всё изменилось после школьного танцевального конкурса.

Наш седьмой класс тогда занял первое место. На награждении я, как солистка, стояла рядом с главой жюри, старым учителем физкультуры, которого мы звали дядя Цзян. Он взял микрофон и на весь школьный стадион пророкотал: У меня нет лишних слов, только четыре: молодость непобедима!

Трибуны взорвались овациями. С того дня я стала такой же известной, как Ван Мэй и Цзя Лань, нас прозвали тремя цветами, и я постоянно становилась объектом сплетен. Больше всего меня бесило, что Ван Мэй при каждом знакомстве добавляла: Знаете, это же сама Молодость непобедима! Дядя Цзян лично подтвердил! Хоть сквозь землю провались.

Вспомнив ту забавную сцену, я невольно улыбнулась. Посмотрев на одежду, я решила выбрать бежевую рубашку с коротким рукавом, синие джинсовые шорты и черные сандалии. Взяв черную кожаную сумку, я посмотрела в зеркало.

Неплохо, сдержанно, обычно. Но что-то было не так. Я обернулась и увидела свой привычный высокий хвост — мой фирменный знак. Раньше мне нравилось носить его высоко, это придавало мне энергии и бодрости.

Я опустила хвост пониже и наконец осталась довольна. Сегодня мне не нужна была прошлая слава или нынешняя модная яркость. Мне нужно было остаться незаметной, такой, чтобы не

оставить никакого впечатления у того человека. И тогда, возможно, моя жизнь снова вернется в спокойное русло.

Машина приближалась к бару, и мое сердце забилося в каком-то ненормальном ритме.

— Приехали, — сказал водитель.

Я знала, что пора выходить, но никогда еще так не хотела, чтобы эта поездка длилась вечно. Ноги словно одеревенели.

Водитель обернулся, заметив мою заминку. Я выдавила улыбку:

— Сейчас, одну секунду! — и, чтобы не показаться совсем уж странной, расплатилась и вышла.

Перед стеклянными дверями бара я глубоко вздохнула и прошептала себе: Всё в порядке, это всего лишь встреча. Не собираешься же ты прятаться всю жизнь? Давай, Сяо Нин!

Я взяла себя в руки и вошла внутрь. Вскоре я увидела группу людей, оживленно беседующих в центре зала. Ван Мэй помахала мне рукой. Рядом с ней стояла Цзя Лань с короткой темно-каштановой стрижкой. Ее взгляд, а следом и взгляды всех остальных, устремились на меня.

— Ого! Я что, сплю? Неужели это Сяо Нин, которая испарилась на семь лет? Ты вообще помнишь дорогу домой? Я уж думал, ты на край света удрала! — ко мне подошел мужчина с крутыми чертами лица и хлопнул меня по плечу.

— Давно не виделись, Кан Кай! Наш школьный красавчик всё так же хорош собой! — при виде старого друга на душе стало светлее.

— А где же твой избранник? Слышали, вы вместе вернулись. Я уж давно хотел посмотреть на того гения, который умудрился очаровать тебя настолько, что ты забросила наши встречи!

— Уж точно симпатичнее тебя, Кан Кай! Иначе с чего бы Сяо Нин не приходила к нам? — подошел другой парень в очках, подначивая нас.

— Ха-ха, куда ему до Кан Кая, да и до твоего таланта, Цзоу Юанькэ! Всё моя вина, я виновата, каюсь! — я схватила бокал и залпом осушила его.

— Одного мало, минимум три! — зашумели ребята.

Пришлось выпить еще два. Если три бокала могли смыть обиду моих одноклассников, я была готова выпить, даже несмотря на свою слабую голову.

— Ладно вам, не спаивайте человека, а то играть будет не с кем, — Цзя Лань подошла ко мне и,

обняв, повела вперед. — Наконец-то мы тебя поймали, теперь никуда не денешься! — она не любила тактильный контакт, но для нас с Ван Мэй делала исключение. Ее голос звучал спокойно, но в нем сквозило немало упреков.

— Никуда я не денусь, попалась! — я обняла ее в ответ, бросила сумку на свободное место и встала перед всеми.

Ван Мэй приподняла бровь, выражая недовольство:

— Цзя Лань тебя защищает, но это не поможет, еще успеешь натерпеться!

Я снова виновато улыбнулась.

Кан Кай поднял бокал:

— Вау, наши три цветка седьмого класса наконец в сборе! Как же я рад! Давайте выпьем за это!

Двадцать с лишним человек чокнулись бокалами. Мы пили и болтали, они пытались выведать всё о моих последних семи годах: когда влюбилась, когда съехались, когда свадьба, когда дети. В конце концов Цзоу Юанькэ подытожил:

— Наша школьная звезда Молодость непобедима досталась этому парню Сы Мину!

Я фыркнула:

— Мне уже двадцать шесть, скоро тридцать, перестаньте называть меня так, а то я уже в зеркало смотреть боюсь!

Цзоу Юанькэ подхватил:

— Да брось! Спорим, надень ты сейчас тот костюм и выйди на сцену, дядя Цзян снова присвоит тебе это прозвище!

Я закатила глаза.

Кто-то рядом подзадорил:

— Цзоу Юанькэ, не только мечтай, но и действуй! Она вернулась, давай, не бойся этого Сы Мина, мы тебя поддержим!

Я снова закатила глаза — старые шуточки всё еще в ходу. Видя, как у Цзоу Юанькэ загорелись глаза, я нарочито пренебрежительно бросила:

— Скоро я стану носить фамилию Сы, так что не тратьте время, ребята!

Все рассмеялись.

И в этом смехе я увидела, как ко мне приближается изящный силуэт.

<http://bllate.org/book/20983/2130409>